

Новая жизнь форпостов индустрии

СУДЬБА СОВЕТСКОГО «ГОРОДСКОГО» ПРОЕКТА

«На безоглядных просторах Сибири, под ветрами, дерзко мчащимися и вздымающимися круто, здравствуют, растут, набирают силу молодые соцгорода... (Это) единый, всеобщий закон развития советской жизни!» Эти слова ленинградского прозаика Александра БАРТЭНА, опубликованные в 1979 году, ярко иллюстрируют тот факт, что в Советском Союзе города, как и все остальное, создавались по плану. Формирование структуры городского расселения подчинялось логике индустриализации и освоения новых территорий. Советские градостроительные проекты были конкретны и масштабны: урбанизация стала ключевым условием выполнения государственного народохозяйственного плана. Страна гордилась тем, что в отличие от неуправляемого градостроительного процесса капиталистического мира, в Советском Союзе города появлялись и изменялись в соответствии с одной, сформулированной партией, волей.

Результаты советского урбанистического проекта превзошли ожидания: за семьдесят лет доля городского населения увеличилась почти в четыре раза, поэтому подавляющее большинство горожан были таковыми в первом поколении. Известный российский демограф Анатолий ВИШНЕВСКИЙ назвал советскую урбанизацию «городской революцией», а французский градостроитель, автор популярной книги «Новые города» Пьер МЕРЛЕН, представляя опыт разных стран, о Советском Союзе писать не стал: «темпы его градостроительства таковы, что требуют углубленного и специального изучения». Но один вывод из советского городского проекта был очевиден уже в середине XX века: Советский Союз, а в особенности Сибирь, стали примером того, как новые города создаются в качестве форпостов индустрии с одной лишь целью – обеспечить освоение новых территорий.

Сибирь стала главной строительной площадкой советского городского проекта. Из сибирских городов больше половины возникли после Великой Отечественной войны. Некоторые из них, в том числе Ангарск, Братск и Усть-Илимск успели до распада советской экономики стать большими – превзойти численность в сто тысяч жителей.

В конце восьмидесятых, когда пошла на спад индустриальная лихорадка, стало очевидно, что советская урбанизация была во многом искусственной и малоэффективной. Она не сопровождалась формированием полноценной городской среды, городское физическое пространство не наполнялось городским содержанием, это были города без городской жизни. В девяностые было не до формирования нового стиля: крах советской индустрии сделал всех заложниками системного кризиса. Последнее десятилетие двадцатого века жители советских городов выживали без привычной опоры на производство – в разных местах это получалось по-разному. Современная ситуация видимой стабильности позволяет оглянуться назад и ретроспективно понять, что изменилось, а что сохранилось в объектах советского градостроительного проекта.

Для Иркутской области этот вопрос тем более актуален: подавляющее большинство из двадцати двух городов региона являются результатом индустриального освоения новых территорий, они сами по себе новые города (даже те, чей возраст переваливает за сотни лет, как Усолье-Сибирское, Тулун или Нижнеудинск, производство сделало неузнаваемым).

Современное состояние плодов советского городского проекта с разной степенью приближения позволяют оценить наблюдения авторов альманаха Центра независимых социальных исследований и образования «Байкальская Сибирь. Предисловие XXI века». Их наблюдениям можно доверять: все они – жители тех городов, о которых пишут.

МОНОГРАДЫ: НОВЫЕ ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПРОИЗВОДСТВА

Большинство городов региона – монограды, то есть обязаны своей жизнью и развитием одному или нескольким промышленным предприятиям. Даже городское пространство в них формировалось исходя из нужд индустриальных объектов. В Братске, например, новый поселок выросал вокруг возведения очередного производства. В результате сегодня город состоит из девяти жилых поселков, находящихся на расстоянии 10–

30 километров друг от друга. Поселки пытались объединить, даже принимали новые генеральные планы города, но сделать этого так и не удалось. Они так и существуют как отдельные, автономные друг от друга.

Такая зависимость от производства буквально во всем (от обеспеченности работой до упорядочивания повседневной жизни) диктует образ существования городов. Сегодня, если обобщать положение дел в моногородах области, отчетливо видны два сценария трансформации городской структуры. Либо производство умирает и город постепенно затухает вместе с ним, либо промышленность развивается (пусть и с разной степенью интенсивности) и в городской среде воспроизводится новый (старый) порядок – утверждается городская корпоративная культура.

Первый сценарий можно увидеть на примере Тулуна. Получивший статус города в 1927 году с началом советской индустриализации, он выстроился вокруг нескольких промышленных производств, основное из которых угольное. Стекольный завод, строительный трест, плодокомбинат, маслозавод, угольный разрез – все эти предприятия системный кризис не пережили. Потеряв опору на производство, люди долгое время отходили от шока. «На следующий день после известия о закрытии разреза многие пришли на работу, словно ничего не случилось, полагая, что это просто чья-то злая шутка. Вы не представляете, как страшно было смотреть на то, как у дверей конторы разреза, опустив голову, в немом отчаянии стояли здоровые и крепкие мужики. Они надеялись, что для них-то найдется дело...» – эти воспоминания о недавних событиях типичны для большей части промышленных предприятий в самых разных городах области.

Из города угольщиков, стекольщиков и гидролизников Тулун трансформировался в город бюджетников, вахтовиков и таксистов – в нем уже более десяти служб такси. Отсутствие другой работы перенасыщает сферу услуг людьми, что делает конкуренцию на этом рынке ожесточенной. В городах, расположенных вблизи регионального центра, ежедневная трудовая миграция стала совсем привычным делом.

Там же, где производство успешно и стабильно (самый яркий пример – Шелехов), городская жизнь также не может сформироваться: старые индустриальные зависимости стали идеальной основой для выстраивания корпоративной культуры, которая по своей природе моностилична и воспроизводит традиционные советские отношения градообразующего предприятия и местного сообщества. В такой ситуации производство несет на себе значительную часть социальной нагрузки, но взамен монополизирует символическую среду. Например, лозунг «Шелехов – город металлургов» стал повсеместным, хотя доля работников алюминиевого завода в общей численности населения составляет не больше пятнадцати процентов.

Неформальная подконтрольность органов муниципальной власти градообразующему производству завершает моностилизм. Культурная деятельность строго регулируется, День завода совмещается с Днем города, альтернативные официальные инициативы не получают развития. В такой ситуации жизненные перспективы горожан сужаются, видение одной лишь производственной колеи заставляет людей, заинтересованных в иных формах жизни, покидать город. Это рождает кризис иного рода, чем в городах свернувшегося производства: в современном мире все больше значения имеют составляющие качества жизни, не связанные только лишь с материальным благополучием.

В региональных моногородах подобные потребности истинно городской жизни реализуются через «приспособление» все тех же индустриальных объектов. Братская ГЭС остается градообразующим предприятием уже не столько как работодатель, сколько как важнейший символ, визитная карточка, как для Москвы Красная площадь. Для каждого братчанина – это и место памяти, и зрелище, и предмет гордости: «Шлюзы если откроют, это же целое событие, весь город посмотреть приезжает, даже из других городов едут».

Основные надежды жителей городов «советского проекта» по-прежнему связаны с возрождением старых или строительством новых промышленных предприятий: в Тайшете рассчитывают на нефтепровод, в Тулуне – на производство строительных материалов и дополнительную ЛЭП, сразу в нескольких городах – на развитие алюминиевой промышленности, в Бодайбо надеются на подъем золотодобычи. В Нижнеудинске градообразующим предприятием стала железная дорога, которая давала рабочие места даже в самое тяжелое для страны время. Надо ли говорить, что свои жизненные перспективы многие горожане связывают именно с ней.

ГОРОДСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Системный кризис девяностых, разрушение привычных связей местного сообщества и градообразующего производства сделали актуальной проблему, которую не замечали в период больших ударныхстроек: что еще, кроме общей промышленности, объединяет жителей новых советских городов в единое целое? И, кроме

того, что может быть ресурсом развития городов в условиях стагнации индустрии? Поиски новых оснований для городской идентичности – общий сюжет для всех молодых городов Иркутской области.

В Усть-Илимске, например, поражает небывалый интерес горожан к истории места, на котором был построен город. Это приобретает временами причудливые формы: например, самым популярным рекламным брендом стало слово «илим». Оно используется как крупными градообразующими предприятиями (компания «Илим Палп», ныне «Группа Илим» – владелец Усть-Илимского ЛПК), так и более мелкими (например, «Новые окна Илим», «Илим Фарма», «Илим копи», «Илимский дворик», «Илимтех», «Илимцентр», «ИлимСканЛайн»). Еще в середине 80-х это слово употреблялось только в названии пионерского лагеря. А до середины 90-х в своем названии его использовали не более трех-четырёх фирм.

Попытка сделать город, рожденный производством, привязанным к конкретному месту, понятна и оправдана: у города должна быть своя история, уходящая в далекое прошлое. Наверное, с этим же связано и использование в повседневной жизни Усть-Илимска имени и образа Радищева, который отбывал ссылку в Илимском остроге и якобы совершил путешествие к Толстому мысу (место строительства Усть-Илимской ГЭС). В центре города ему был поставлен своеобразный памятник – каторжные кандалы.

С другой стороны, поиск новых оснований городской идентичности, общих ценностей, выразившийся в подчеркнутом внимании к доиндустриальному прошлому, заставил горожан взглянуть на последствия затопления Илимского края как на трагедию. Это получило свое развитие в протестных действиях в связи со строительством Богучанской ГЭС. Еще двадцать пять лет назад лозунги «Вперед, на Богучаны!», «Даешь Богучаны!», «Братск – Усть-Илимск – Богучаны!» были для жителей города привычными. А сегодня активнее других в акциях протеста стали участвовать жители Усть-Илимска и Усть-Илимского района, переселенные сюда из зоны затопления Усть-Илимской ГЭС.

Уход, хотя бы на время, производственных объектов из повседневной городской жизни спровоцировал всплеск интереса жителей малых городов к окружающему природному ландшафту. Описывая сегодня в художественном слове или в обычном повествовании свои города, жители опираются на значимые в данном месте локальные символы. В Нижнеудинске, например, такими разделяемыми ценностями стали река Уда, давшая название городу, Саяны и тайга. Вместе с памятью о значимых исторических объектах, имеющих далекое прошлое, отсылки к исключительной красоте и уникальности природы делают города, оставшиеся без промышленного процветания, все же достойными для жизни. Именно этим люди чаще всего оправдывают нежелание покинуть города даже тогда, когда надежды на улучшение нет никакой. Для придания местам жизни другой, неиндустриальной, ценности идет в ход и дорога, соединяющая со столицей, и мосты, и экологическая тропа. Еще одним значимым ресурсом становится особый характер людей, проживающих в молодых городах, людей энергичных, доброжелательных и открытых.

Пример Ангарска в вопросе поиска новых оснований городской идентичности особенно интересен. Несмотря на то, что Ангарск не может быть отнесен к малым городам, он все же является результатом советского градостроительного проекта. Ангарск, как и большинство моноградов, пережил кризис, связанный со стагнацией промышленности, прошел путь города корпоративной культуры (в конце девяностых Ангарск стал одним из базовых городов нефтяной компании «ЮКОС»), и сегодня все чаще можно увидеть попытки осмысления ангарчанами неиндустриального образа своего города. В этой ситуации значимость приобретают самые разные символы. Ангарск – это и город, рожденный Победой: большая часть приехавших на комсомольскую стройку были людьми одного поколения – фронтовики, их младшие братья и сестры, ощущавшие значимость военного подвига и готовые к подвигу трудовому. Ангарск – это и город юности: тут и непреходящая душевная молодость всех его жителей, и уникальность молодого города как живого и энергичного образования, динамичного и открытого для всего нового. Но все чаще звучит, что Ангарск – это город, связанный непростыми отношениями с советской системой исполнения наказаний. Здесь, как и в Усть-Илимске, пытаются осмыслить тот факт, что эти города построены в том числе и силами заключенных. Известно, что жителями первых «нормальных» домов, построенных в Ангарске, становились военные, охранявшие спецконтингент – заключенных и японских военнопленных, которые также были участниками большой стройки. Забывать этого нельзя, потому что и этот опыт нашел свое отражение в городской культуре.

Попытки осмысления жителями моноградов своей городской идентичности, культурные процессы, инициированные этими поисками, хоть и заводят временами в новые тупики, но в то же время демонстрируют саму возможность обретения физическим пространством подлинно городского содержания.

ПЕРСПЕКТИВЫ

Как изобретения своего времени, монограды обречены на полную зависимость от состояния доминирующего

производства, но это не значит, что советская стилистика жизни в молодых городах не может претерпеть изменений. Возможным вариантом преодоления такого положения вещей представляются агломерационные проекты, но только лишь в том случае, если они приведут не только к формальному сложению ресурсов, а – что важнее – к выстраиванию нового стиля городской жизни через реализацию серии инфраструктурных, культурных и социальных проектов.

И все же главный ресурс, на который может опереться преобразование городской среды – социальная энергия и интеллектуальный потенциал людей, приехавших в свое время в эти места начинать жизнь «с нуля». Их энергии хватило на грандиозные стройки и героические производственные свершения, они налаживали отношения друг с другом, являясь носителями разных опытов и не всегда одинаковых ценностей, именно в новых городах они видели прообраз привлекательного для них устройства жизни. Но пришедшее осознание рисков и опасностей, исходящих от амбициозных городских проектов, системный кризис, сломавший всю стройность и праздничность картины, заставили жителей почувствовать, что родной город может оказаться тупиковым. Однако социальная энергия не исчезла, а трансформировалась в новые формы: все силы направляются на образование и другие составляющие социального капитала детей, чтобы последние преодолели притяжение своих городов и устроились в городах настоящих. Если эту энергию не перенаправить, не придать ей другого наполнения, устоявшийся механизм образовательных миграций оставит молодые города без будущего – без энергии молодых.

Советский городской проект оказался в итоге более масштабным, чем даже задумывался: он стал одним из определяющих путей развития страны, и именно в нем нашли свое отражения все противоречия, этому развитию присущие.

Вадим Титов

Весь номер "Иркутской губернии" можно прочитать здесь: <https://rubabr.com/ig/37.pdf>

Автор: Артур Скальский © Babr24.com ЭКОНОМИКА, БАЙКАЛ 👁 4687 05.10.2007, 16:06 📄 435
URL: <https://babr24.com/?ADE=40304> Bytes: 15556 / 15488 Версия для печати Скачать PDF

👍 Порекорендовать текст

Поделиться в соцсетях:

ДРУГИЕ СТАТЬИ В СЮЖЕТЕ: ["БОГУЧАНСКАЯ ГЭС"](#)

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:
newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)